

Венера Дзюбенко

Руины Будущего. Между Орлеаном и Руаном

«Автор»
2026

Дзюбенко В.

Руины Будущего. Между Орлеаном и Руаном / В. Дзюбенко — «Автор», 2026

Поезд опаздывает на семнадцать минут. Художница стоит на перроне и не знает, куда именно ей надо ехать. А потом видит девушку в коротком синем пальто. За спиной у неё огромная корзина, из которой выступают крыши домов, шпили и башни. Девушка говорит, что пришла из Руана. И художница узнаёт её - это та самая девушка с её картины, написанной в 2021 году. Тогда она ещё не знала, что рисует.На том же перроне стоит Сомс Форсайт. Материалист до мозга костей, привыкший, что весь мир можно измерить, застраховать и купить. Он нажимает кнопку «кофе» в автомате, но получает тягучую сгущёнку. Он не понимает, что это значит, но пытается найти этому практическое применение.А Жанна - это дух. Это свобода, которую невозможно удержать брачным договором или счётом в банке. Это история о девушке с корзиной городов, о художнице, нарисовавшей зарево до еще до 2022 года.

© Дзюбенко В., 2026
© Автор, 2026

Венера Дзюбенко
Руины Будущего. Между Орлеаном и Руаном

Глава первая. Перрон

Поезд опаздывал на семнадцать минут.

Я знала это точно, потому что всё время смотрела на часы над кассами. Они шли медленно, с небольшими остановками, словно кто-то за стеной время от времени забывал заводить их механизм.

На вокзале пахло мокрой одеждой, кофе, железом и углём.

В автомате застрял стаканчик, и мужчина в коричневом пальто безуспешно пытался его достать.

У дальней стены спала собака. Иногда она подёргивала лапами, и мне казалось, что ей снится бег по старой мостовой.

Я приехала слишком рано. Так бывало со мной всегда, когда я не понимала куда-то именно ехать.

В такие минуты я начинала думать, что поезд может вообще не прийти. Или придёт, но не мой. Или я сяду в него, а потом обнаружу, что еду совсем в другую сторону, особенно когда объявляют на французском.

Я собиралась купить кофе, когда увидела девушку.

Она стояла у самого края платформы, чуть поодаль от остальных пассажиров. На ней было короткое синее пальто, застёгнутое на все пуговицы. За спиной висела огромная корзина, сплетённая из толстых тёмных прутьев. Такие корзины я видела на старых фотографиях шерпов: они носили в них грузы, которые казались непосильными для человека, а тем более для молодой девушки.

Но эта корзина была гораздо больше.

Из неё выступали крыши домов. Я различила красную черепицу, несколько дымовых труб, острый шпиль и маленькую башню с часами. Между крышами росли деревья. На одной из стен, высоко над головой девушки, висело бельё - белая простыня и чья-то детская рубашка.

Ветер шевельнул рубашку.

Я посмотрела на деревья, на башню, на бельё.

Потом перевела взгляд на девушку.

Она была невысокой, хотя чувствовалась какая-то другая высота. Она стояла неподвижно, слегка наклонившись вперёд под тяжестью корзины.

Я подумала, что надо бы предложить ей помощь.

И тут же подумала, что это глупо. Как можно предложить помощь человеку, который несёт за спиной целый город?

Девушка повернула голову.

- Вы тоже ждёте? - спросила она.

- Поезд?

- Нет.

Я не сразу ответила.

- А что же ещё?

Она посмотрела на часы над платформой.

- Человека, который должен был приехать раньше меня.

В её голосе не было ни раздражения, ни тревоги. Так говорят о погоде, когда уже не надеются, что она изменится.

- А вы откуда?

- Из Руана.

Я почему-то сразу поняла, что это правда.

Не то чтобы у неё был какой-то особенный акцент. Просто в тот момент мне вспомнилась старая гравюра, которую я когда-то видела в книге. Узкие улицы, каменные стены, высокий собор. И площадь, на которой много лет назад сожгли девушку, обвинённую в том, что она слышала голоса.

- Вы едете в Руан? - спросила я.

Девушка улыбнулась.

- Я оттуда пришла.

- Но вы же сказали, что приехали…

- Я сказала, откуда пришла. Я пришла из Руана.

Она сняла с плеча одну лямку корзины и поправила вмятину на плече. Корзина качнулась, и из неё посыпались маленькие красные листья. Они упали на платформу, но не легли на бетон. Каждый лист остановился в нескольких сантиметрах от поверхности.

Я смотрела на них, пока они медленно кружились в воздухе.

Когда я подняла глаза, листья исчезли.

- Вы давно ждёте? - спросила девушка.

- Семнадцать минут.

Она кивнула, будто именно такого ответа и ожидала.

- Значит, ещё не поздно.

- Для чего?

Но в этот момент объявили прибытие поезда.

Громкоговоритель хрипнул. Название станции прозвучало неразборчиво, потом повторилось на французском. Последнее время я часто замечала, что слова вокруг меня произносят на языке, который я понимаю.

Поезд вошёл на платформу бесшумно.

Не было привычного скрежета тормозов, не было ветра от вагонов. Просто в конце платформы возникли тёмные окна, и через несколько секунд перед нами стоял состав с потемневшими металлическими боками.

На первом вагоне белыми буквами было написано: ОРЛЕАН - РУАН.

Я перечитала надпись.

Потом ещё раз.

- Это, наверное, ваш… А мой ещё не пришёл, - произнесла я.

Девушка уже снова надела обе лямки корзины.

Двери открылись.

Из вагона вышли несколько человек. Мужчина с газетой, женщина с маленьким чемоданом, мальчик в красной шапке. Они быстро разошлись в разные стороны, не обращая на нас внимания.

Последним вышел старик в длинном светло-сером пальто.

Он остановился перед девушкой.

- Ты опоздала, - сказал он.

- Нет, - ответила она. Я ждала Вас. - У меня есть ещё время.

Старик посмотрел на корзину.

- Ты принесла всё?

- Почти.

- А Орлеан?

- Мне нужно сначала в Шинон, - девушка ответила почти шёпотом.

Старик медленно снял шляпу. Под ней оказалась совершенно лысая голова, на которой кто-то нарисовал тонкую синюю линию - от левого виска до затылка.

- Тогда нам придётся вернуться, - сказал он.

- Я не могу.

- Почему?

Она повернулась ко мне.

Впервые я увидела её лицо. Молодое, усталое, с очень светлыми глазами. Мне показалось, что я уже встречала её, но не могла вспомнить где. Может быть, в метро. На улице. На старой фотографии, которую случайно увидела в интернете.

А потом я поняла… как будто узнала.

Я видела её на своей картине.

Ту самую девушку в коротком синем пальто, которая шла среди обломков с огромной корзиной за спиной.

Я написала её примерно в апреле-мае двадцать первого года.

Тогда я ещё не знала, что города могут исчезать, оставаясь на месте.

Я не знала, что в корзину можно поместить целую улицу, вместе с окнами, крышами и людьми, которые по утрам открывают ставни.

Я просто нарисовала девушку, которая куда-то шла. Она делала широкий шаг. Босые ноги шли по каким-то огненным обломкам. А вдали – зарево, растянувшееся по всему небу.

Теперь она стояла передо мной.

- Вы меня вспомнили? - спросила она.

Я не успела ответить.

Старик взял её за руку.

- Пойдём, Жанна.

Девушка резко высвободилась.

- Не называй меня так.

Старик посмотрел на неё с усталой нежностью.

- Здесь все тебя так называют.

- Здесь - да.

Она повернулась ко мне.

- А вы знаете, какой сейчас год?

Я вдруг растерялась, поднимая плечи, покачала головой.

- Двадцать … - мои губы почему-то дрожали… первый – неуверенно прозвучал голос, преодолевая невидимую преграду внутри.

Она закрыла глаза.

На секунду мне показалось, что она заплачет. Но она только сильнее сжала лямки корзины.

- Значит, у нас осталось мало времени, - сказала она.

- До чего?

Девушка посмотрела на поезд, потом на меня.

- До того, как они начнут строить города заново.

Она шагнула к вагону, но старик удержал её за рукав.

- Если ты войдёшь туда, ты не сможешь вернуться.

- Я знаю.

- А если останешься, всё повторится.

- Я знаю.

- Тогда что ты выбираешь?

Девушка долго молчала.

В этот момент из корзины донёсся колокольный звон.

Не громкий, а далёкий, будто в глубине корзины стоял собор и кто-то медленно раскачивал колокол. Затем послышался шум улицы: колёса повозки по каменной мостовой, детский смех, скрип деревянных ставней. Всё это смешалось с гулом вокзала, и на мгновение мне показалось, что я слышу сразу два города - один, в котором я стояла, и другой, который девушка несла за спиной.

Она посмотрела на меня.

- Вы ведь нарисовали меня?

Я кивнула… - Да, ещё в мае, хотя картина мне не понравилась… неудачная получилась, - я как будто извинялась перед ней.

- Тогда вы должны понимать, куда я шла - вернее, почему…

Я хотела сказать, что не знала, когда рисовала. Я попробую исправить, если получится, но я пока не поняла, о чём она. Возможно, я пойму позже. У меня так уже было и раньше.

И я вдруг вспомнила, что на картине не хватало чего-то.

На дне её корзины, почти скрытая под крышами домов, лежала маленькая белая птица.

- Я забыла голубя, - сказала я.

Девушка кивнула.

- Он долетит?

Она уже запрыгнула на ступеньку вагона, мелькнула её розовая пятка. Двери тут же закрылись.

Поезд тронулся, и я увидела в окне лицо старика. Он смотрел на меня и медленно качал головой, словно я совершила что-то не то.

Потом поезд исчез за поворотом.

На платформе остались я, собака у стены и несколько красных листьев, которые медленно опускались на серый потрескавшийся бетон.

Я подняла один лист.

На нём проступали тонкие линии, похожие на улицы старого города.

В центре стояла маленькая башня.

Под ней было написано одно слово:

РУАН.

Руан… Я представила ажурный сизого цвета собор, высокий шпиль, просветы синего неба в узорах и серых летающих голубей повсюду. Казалось, будто они встречали её.

Девушка в том же синем пальто с той же корзиной за спиной шла по стершимся от старости булыжникам. Она добавляла к себе высокий шпиль Руанского собора, чтобы сохранить. Один город навален поверх другого, и всё это не могло помещаться в такой корзине. Но помещалось.

Она прошла мимо витрины, на миг остановилась, взглянула на своё отражение с корзиной, поправила лямку на плече и пошла дальше, в сторону рыночной площади.

Никто не оборачивался ей вслед.

Только один старик, сидящий у кафе, проводил её взглядом.

Когда она скрылась за углом, он достал из кармана сложенный лист бумаги и что-то вывел ручкой.

В этот день в Руане никто не пропал. Ничего не загорелось. Не было ни землетрясения, ни наводнения.

Город прожил обычный суетливый день, и всё те же камни лежали веками.

Только вечером в Шиноне обнаружили, что на «старой» карте исчезла одна улица.

Я вспомнила её слова, которые она прошептала тому старику: «Сначала мне надо в Шинон»

И тут я очнулась… Я осмотрелась… - я все еще на перроне. Оказалось, что мой поезд ушёл.

Я вздрогнула от голоса, объявлявшего вдогонку, на французском о том, что поезд отправился.

Я не знала французского настолько хорошо, чтобы понять, почему всё это объявляли после того, как поезд уже ушёл.

Впрочем, я не была уверена и в том, что поезд ушёл именно туда, куда должен был… ведь я и сама этого не знала.. я ждала «свой» поезд, не зная точно место. Я не знала как долго я ждать.

На платформе стало просторнее.

Мужчина в коричневом пальто наконец оставил в покое автомат.

Он стоял неподалёку, держа в руке смятый бумажный стаканчик.

Из стаканчика поднимался тонкий пар. Пахло кофе, но не совсем кофе… скорее варёной сгущёнкой с ванилью, которую долго держали на огне, пока она не стала густой и тягучей.

Мужчина осторожно и с удивлением попробовал ещё раз.

Посмотрел на стаканчик с неподдельной радостью.

- Вы когда-нибудь видели такое? - спросил он меня.

- Что именно?

- Это должно быть кофе… Я нажал кнопку с чашкой! Но посмотрите!

Он приподнял стаканчик, словно предъявлял мне вещественное доказательство.

На поверхности темнела блестящая масса. Она медленно колыхнулась, когда мужчина пошевелил рукой, и снова застыла.

- Похоже на сгущёнку, - сказала я.

- Вот именно…

Только я не понимаю, как она оказалась в кофейном автомате.

И пахнет так, будто её варили на плите.

- Может быть, это просто плохой кофе.

- Плохой кофе бывает жидким. Этот, кажется, можно намазывать на хлеб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.